

УДК 008:821.161.3-313

ЧЕРТЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛОРУССКОЙ АНТИУТОПИИ

Е.В. СВЕЧНИКОВА

(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)

Статья посвящена культурологическому анализу белорусской антиутопии. В статье показано, как соотносятся массовая культура и антиутопия. Автор считает, что антиутопия играет роль жанра апокалипсиса в секуляризованном обществе, что доказывается наличием тождественных мотивов в произведениях обоих жанров. Белорусская антиутопия имеет мифологическую основу, она включает помимо древних мифов современные оккультные, паранаучные и политические мифы. Анализ текстов показывает, что современная белорусская антиутопия включает ряд черт массовой культуры: профанацию науки и религии, элементы мифов и идеологий, эксплуатацию Танатоса, приверженность художественным клише.

Введение. Изучение белорусской антиутопии только начинается. Отдельные попытки рассмотрения антиутопических текстов белорусских авторов (преимущественно произведений А. Макаёнка и А. Адамовича) предпринимались филологами и литературоведами (А. Газизовой, А. Евченко, Г. Нефагиной, А. Нямцу и др.) [1 – 4]. Исследованы мотивный ряд и специфика хронотопа антиутопии, интертекстуальные элементы отдельных антиутопических произведений, соотношение антиутопии с действительностью. Было проведено исследование архетипических основ (архетипических образов и архетипической структуры) белорусской антиутопии [5; 6].

Антиутопизм как мироощущение стал характерным признаком нашего времени, что позволяет рассматривать антиутопию не только как литературный жанр, но и как индикатор самосознания европейской (в том числе и восточноевропейской) культуры. В XX веке антиутопия, как пишет К. Дуда, стала гуманистическим «...идейным течением, доминирующим в современной общественной и философской мысли...» [7, с. 4]. Таким образом, актуализируется потребность в культурологическом изучении белорусской антиутопии как неотъемлемой части духовной культуры Беларуси. Рассмотрение антиутопизма и антиутопии в культурологическом ключе неизбежно вызывает вопрос, к какой области культуры относится жанр антиутопии – к массовой или к элитарной? Этот аспект отечественной антиутопии остается неизученным в культурологии.

Основная часть. Отмечаемый со времен Ф. Ницше, К.Г. Юнга и Р. Генона упадок символического и сакрального знания отразился на состоянии литературы: в процессе секуляризации общества образовалась своеобразная жанровая лакуна, аналогом сакрального футуропргноза стала разновидность социальной фантастики – антиутопия, антитоталитарный жанр, широко распространённый в XX и не теряющий актуальности в XXI веке.

В контексте проблемы трансформации культуры традиционного общества в культуру массового важным становится вопрос о генезисе антижанра. Антиутопия восходит к жанру Откровения/Апокалипсиса, представленному следующими текстами: Книга Пророка Даниила, Апокалипсис Исайи, Книга притч Еноха, Апокалипсис Баруха, Апокалипсис Ездры, Откровение Святого Иоанна Богослова и др., что доказывается наличием у обоих жанров тождественных мотивов, тем и символов. Так, в иудео-христианской эсхатологии картина будущего мира связывается с нравственной деградацией человечества, которая карается широкомасштабными катастрофами и страданиями грешников. Нарушение божественной гармонии, божественной справедливости приводит человечество к краху. Как правило, в апокалипсисах (Война сынов Света против сынов Тьмы, Откровение Павла, трактат «О происхождении мира» и др.) описываются мировая вражда, война сил добра против зла и несправедливости, всемирная катастрофа, гибель грешников, и как итог этих событий – возвышение «народа святых» и наступление царства божьего на земле. «Откровения» выступали в качестве воображаемой компенсации, были «исправлением» несправедливости в реальном мире.

Общим для жанров антиутопии и апокалипсиса являются: фантастический хронотоп (время и пространство будущего); критическое отношение к социуму, мотив предсказания будущего, сопряжённого с бедами, болезнями, катастрофами, войнами; тема нарушения божественного миропорядка и надежда на его восстановление; разделение всех людей на «своих» и «врагов»; мотив отсутствия/остановки времени (присутствует в романе Э. Скобелева «Катастрофа», в повести А. Щуцкого «Шахид», в повести А. Адамовича «Последняя пастораль», в произведениях комбинированного жанра «Ладья Харона» Ю. Фатнева, «Правдивая история Страны Хламов» О. Минкина и В. Толкова), символ радуги и сакральное число-

символ 7 (эти символы играют важную роль в пьесе «Дышите экономно!..» А. Макаёнка), а также такие образы, как люди в белых одеждах (аналогия с библейскими «победителями» (Откр. 3:5)), говорящие, или, буквально, «вопящие» камни (при конце света, по Книге Ездры, пламя вырвется из недр земли, и камни возопиют (3 Езд. 5:4-12)), вулкан (символика антиутопии А. Щуцкого «Шахид»).

Знаковым текстом, наиболее широко известным и популярным, послужившим прототипом для множества произведений массовой культуры (от художественных текстов до фильмов и картин), является Апокалипсис Иоанна Богослова. Если центральной фигурой апокалипсиса был мессия, Спаситель, если итогом Страшного Суда должно было стать царство святых/праведников, то в антиутопии, при условии, что человечество вовремя «одумается», мировую гармонию восстанавливает герой, не связанный с религиозной идеей, но отстаивающий добро и справедливость. Весь жанр антиутопии, по существу, является профанацией жанра Откровения, «профанацией» в смысле «трансформации сакрального в профанное»: антиутопия сохраняет все типичные мотивы апокалипсиса, но лишена открыто провозглашаемой христианской идеи.

Современная белорусская антиутопия, получившая свое развитие в конце 80-х – 90-х годов XX века, отражает процесс ремифологизации общества, характеризующийся широким распространением религиозных и оккультных представлений о мире, актуализацией политических мифов и т.п. Неомифология характеризуется упрощённым подходом к социополитической реальности, мир сквозь призму мифа предстаёт лишённым нюансов, «чёрно-белым», иначе говоря, он чётко делится на сферы Добра и Зла.

В основе политической мифологии лежит принцип бинаризма: деление общественных явлений (в том числе идеологий) на «своих» («правильных») и «чужих» («неправильных»), а личностей – на «наших» и «не наших». Именно такая конфликтная картина мира лежит в основе антиутопии. Думается, не будет преувеличением сказать, что бинаризм антиутопии восходит к апокалиптическому жанру со свойственным ему разделением людей на добрых и злых и жадной расправы над «злыми и неверными» [8, с. 300].

Культуролог А.Я. Флиер утверждает, что такое редуцирование сложной социальной реальности до примитивных дуальных оппозиций («хорошее – плохое», «наши – чужие») является одной из функций массовой культуры, которая выполняет роль медиатора, адаптирующего сложную информацию для индивида и избавляющего последнего от сложного личностного выбора и социальной ответственности [9, с. 381]. Однако медиационная роль белорусской антиутопии не исчерпывается навязыванием читателю оценок и ценностных ориентации. Она не является «лёгким жанром», несмотря на то, что относится к фантастике. Её ключевыми вопросами всегда были: цивилизационный выбор человечества и белорусского народа, смысл жизни, взаимодействие природы и культуры.

В белорусской антиутопии присутствуют три образа врага: первый «враг» – государство и власть; второй – техногенная цивилизация (враждебными человеческой природе объявляются наука и техника); третий – «чужие»/«чужаки», либо чужая культура (инакомыслящие, например, атеисты, граждане соседнего государства, сексуальные меньшинства, западная культура). В антиутопии идёт «война против всех»: с одной стороны, отвергается мир чистогана и погони за материальными благами (мифологизированный/демонизированный образ Запада), с другой – происходит подчёркнутое дистанцирование от советского прошлого, связанного с идеологией интернационализма и процессом русификации. Антиутописты ищут «третий путь», но неизбежно попадают в ловушку «золотого века». Миф о пасторальной идиллии доиндустриального прошлого остаётся притягательным до сих пор. (Утверждение касается антиутопических произведений Э. Скобелева и В. Гигевича, частично – В. Быкова). Подобное идейное «сопротивление» ходу истории выражается не только в антиутопии, но и в утопии. Как уже случалось в истории европейской литературы, автор-антиутопист может создать и сугубо утопическое произведение, в сущности, на тех же аксиологических основах. Так, В. Гигевич, автор двух антиутопических произведений («Корабль» и «Крыбаки»), недавно опубликовал новую повесть «Утраченное счастье», лежащую в поле притяжения утопии. «Золотой век» в повести В. Гигевича – это состояние первобытности. Автор описывает те дни, когда отношения между людьми были безыскусны, чувства и вера – сильны, и природа была матерью, а не материалом для переработки. Идеалом автора выступает палеолитический род, по сути, – большая семья, основанная на принципах альтруизма и реципрокации. Наше время, с точки зрения автора, характеризуется моральной деградацией общества и распадом межчеловеческих связей.

Анализ текстов белорусской антиутопии позволил выявить специфику авторской позиции (мессиянство, отождествление с Высшим Судьей цивилизации). Критическая позиция, занимаемая антиутопистами по отношению к современности, диктует отрицание высоких целей и пользы науки. Образ учёного демонизируется (последний наделяется чертами противника бога и узурпатора божественных прав), учёный часто становится причиной глобальной катастрофы (атомной войны, появления расы мутантов, вытеснивших человечество из его природной ниши и т.п.), прогресс цивилизации сравнивается с калиткой, ведущей из ниоткуда в никуда. Это характерный симптом нашего времени: в религиозных, оккультных и

паранаучных СМИ ведётся массированное наступление на науку. Обострившийся в течение последних двух столетий конфликт рационализма и иррационализма отражается и в массовой культуре, что связано с кризисом так называемого «проекта модерна».

Широкий спектр мифов и распространенных мифологем паранаучного, оккультного, религиозного и политического характера вошёл в белорусскую антиутопию:

- о вредности науки;
- о генетической деградации человечества;
- о генетической памяти;
- об НЛО;
- об экстрасенсах;
- об ангелах-хранителях;
- о славяно-монголах;
- о диверсии восточных соседей (захват власти в государстве и генетическая диверсия, связанная с алкоголизацией населения страны);
- о вредности и даже inferнальности власти и государственных структур;
- об иррациональности женского ума и предопределённости социальной роли женщины, которая «не создана» для науки, политики и других сфер культуры;
- о развращающей восточных славян западной культуре;
- о деревне как средоточии нравственности;
- о мировом заговоре;
- идеи Ч. Ломброзо о связи внешности и преступных наклонностей;
- мифы о телегонии и др.

Известно, что для произведений массовой культуры характерна эксплуатация Эроса и Танатоса. Антиутопия использует преимущественно второй компонент, что можно объяснить особой ролью антиутопии: она, воспользуясь словами российского философа А.В. Костиной, «опредмечивает коллективные фобии и ожидания», что характерно именно для жанров массовой культуры [10]. Согласно жанровому клише автор описывает посткатастрофное общество, либо происходящую в данный момент катастрофу (а именно конец света) со всеми сопутствующими подробностями: война, террор, радиация, умирающие люди, землетрясения и, наконец, гибель всего человечества либо большей его части. В зависимости от степени фантастичности произведения, в нём могут фигурировать чудовища (мутанты, выведенные учёными для уничтожения инакомыслящих, либо inferнальные властители, либо существа из иных времён и пространств, а также библейский Дьявол, или Сатана).

Относительно Эроса можно отметить приверженность авторов патриархальным клише (женщина – столь характерная для мифологического мышления радикальность – представляется либо святой, либо блудницей). Часто героиня как воплощение природного начала рисуется чувственной, легкомысленной, эмоциональной.

В белорусской антиутопии XXI века имеется произведение, в котором темы Эроса и Танатоса решены в традициях массовой культуры. Роман Ю. Станкевича «Пиявка» содержит множество сцен насилия и жестокости, фокусируется на темах разврата и сексуальных перверсий.

Заключение. Достаточное количество черт, свойственных паралитературе, присутствует в антиутопических произведениях белорусских авторов. Это и фантастический антураж, и стереотипизированность оценок действительности, и упрощение последней.

Нельзя не упомянуть о некоторой вторичности отдельных антиутопий, мотивы которых тождественны мотивам произведений Р. Брэдбери, Дж. Оруэлла, Е. Замятина и др. («уничтожение вредных книг», «засилье науки и рационализма в обществе будущего» и т. п.).

Современная белорусская антиутопия включает ряд черт, свойственных массовой культуре: профанацию науки и религии, наличие мифологем и идеологем, иррационализм, элементы фантастики, эксплуатацию Танатоса, приверженность художественным клише. Однако данный перечень не является исчерпывающим, культурологические аспекты белорусской социально-фантастической литературы требуют дальнейшего углубленного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газизова, А.А. «Последняя пастораль» Алеся Адамовича: «мерцание» смыслов мифа, сказки, пасторали / А.А. Газизова // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: матэрыялы V міжнарод. навук. канф., прысв. 80-годдзю Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 16 – 18 кастр. 2001 г.: у 3 ч. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: С.Я. Ганчарова-Грабоўская [і інш.]. – Мінск, 2001. – Ч. 1. – С. 36 – 39.

2. Евченко, О.В. Деякі родові риси поетики драми-антиутопії / О.В. Евченко // Вісн. Житомир. держ. ун-ту. – 2004. – № 15. – С. 166 – 170.
3. Нефагина, Г.Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века: учеб. пособие для филол. фак. вузов / Г.Л. Нефагина. – Минск: Экономпресс: Финансы, учет, аудит, 1998. – С. 96 – 99.
4. Нямцу, А.Е. Функциональность культурных традиций в «Последней пасторали» А. Адамовича / А.Е. Нямцу // Проблемы вечных ценностей в русской культуре и литературе XX века: сб. науч. тр., эссе и коммент.; Чечен.-Ингуш. гос. ун-т; сост. и науч. ред. В.И. Хазан. – Грозный, 1991. – С. 190 – 200.
5. Свечнікава, А.У. Архетыпічная структура тэксту / А.У. Свечнікава // Весн. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2009. – № 4. – С. 97 – 102.
6. Свечникова, Е.В. Этнокультурные архетипы в белорусской антиутопии / Е.В. Свечникова // Вести ин-та современных знаний. – 2011. – № 3. – С. 36 – 40.
7. Duda, K. Antyutopia / K. Duda // Idee w Rosji = Идеи в России = Ideas in Russia: leksykon ros.-pol.-ang.; pod red. A. de Lazari. – Łódź, 2004. – Т. 4. – С. 4 – 12.
8. Бердяев, Н. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 445 с.
9. Флиер, А.Я. Социокультурологическое исследование: социальные основания массовой культуры / А.Я. Флиер // Культурология для культурологов. – М.: Академ. проект, 2000. – С. 370 – 390.
10. Костина, А.В. Массовая культура: архаические истоки или «новая религиозность»? / А.В. Костина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publirations/2009/professor.ru/Kostina_AV.pdf. – Дата доступа: 28.11.2011.

Поступила 10.10.2011

FEATURES OF MASS CULTURE IN THE BELARUSIAN ANTI-UTOPIA

E. SVECHNIKOVA

The article deals with the cultural studies and analysis of Belarusian anti-utopia. The article reveals how the mass culture and the anti-utopia corresponds. The author considers that the anti-utopia plays the role of the apocalypse in secular society as evidenced by the presence of identical motifs in the works of both genres. Belarusian anti-utopia has a mythological basis, it includes, in addition to ancient myths, modern occult, parascientific and political myths. Analysis of texts shows that the modern Belarusian anti-utopia includes a number of the mass culture features: profanation of science and religion, the elements of myths and ideologies, the exploitation of Thanatos, the adherence to an artistic cliché.